

О современном направлении изящных искусств

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>

Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

...Исследывая психологически сущность и элементы изящного творчества, нельзя не согласиться, что художественное одушевление может иметь только два главных направления: внешнее, средобожное, материальное, и внутреннее, средостремительное, идеальное. Ибо весь безбрежный океан бытия, коего искусства должны быть чистейшими выражениями, состоит из двух противоположных стихий: материи и духа, форм и идей, земли и неба. Сии оба направления уже истощены деятельностью гения в два великие периода его жизни, выражаемые классической древностью и христианским энтузиазмом средних веков. Что ж может оставаться еще для изящного творчества? Неужели то безразличное единство обоих направлений, коим запечатлено первобытное младенчество человеческого рода? Едва ли сие умозрительное предположение не оправдывается свидетельствами опыта. Так! В современных движениях творческой деятельности ощутительно направление к *всеобщности*! Сие направление было следствием многих безуспешных покушений восстановить для настоящего века одно из двух предшествовавших направлений. Несмотря на ослепленную самонадеянность, коей дряхлое осмнадцатое столетие усиливало сокрыть внутреннее свое тление от самого себя, при всеобщем развращении вкуса и уничтожении искусства, были светлые минуты, когда творческий гений сознавал свое глубокое падение и усиливало спасти свое достоинство, возвращаясь к бессмертным образцам минувшего величия. И поелику господствовавший упадок, очевидно, происходил от искаженного напряжения идеальности, выродившейся в принужденную, хвастливую напыщенность или в пошлое, приторное любезничанье, то первые попытки восстановления, предпринятые творческой деятельностью, состояли в обращении к благородному, простому классицизму греко-римской древности. Разумею не тот лживый, поддельный классицизм французской школы осмнадцатого века, где священные воспоминания Греции и Рима, раздавленные тяжестью париков, подпертые фальшивыми ходулями, засыпанные пудрой, обезображенные румянами, представляли из себя жалкие, смешные карикатуры: но то искреннее, благородное, могущее соревнование древности, которое под влиянием энтузиазма, возбужденного Винкельманном, с высоким самоотвержением отрекалось от всех современных причуд и странностей, дабы воскресить в безусловной чистоте лучезарное изящество классического мира. Сие живое, творческое соревнование, коему осмнадцатое столетие обязано резцом Кановы и кистью Давида, величественным котурном Альфиери и простодушною свирелью Фосса, ознаменовалось в летописях изящных искусств блистательными минутами, в коих многие думали видеть зарю нового дня творческой деятельности. Но то было не возрождение, а подновление искусства: то были волшебные чары Медеи, усиливавшейся освежить старческую дряхлость века механическим приливом юношеской крови! В собственных произведениях сих великих мужей печать гениального могущества затмевала своим блеском анахронистическую односторонность направления; но когда толпы подражателей устремились по следам их, сия односторонность изобличилась явною неудовлетворительностью современным требованиям, даже явным противоречием с ними. И нигде не обнаружилось сие так ощутительно и резко, как в новой школе французской живописи, перенесенной в настоящее столетие могучим гением Давида, который любил хвалиться, что сбросил с дряхлой Европы три тысячи лет, помолодил ее тридцатью веками. Школа сия, продолженная талантами Гро и Жерара, Гереня и Жироде, издыхает теперь в насильственных напряжениях Дроллингов и Пужолей, тщетно усиливающих воспроизводить древний греческий тип в мертвых, холодных списках, где живопись, если можно так выразиться, каменеет в ваятельных формах. Не говорю уже о поэзии, которая, вопреки академической феруле, рвется ежедневно из-под знамен искусственного классицизма, в лице самых строгих, самых усердных его ревнителей. Так! Боги древней Эллады, столь красноречиво оплаканные Шиллером, погибли невозвратно: и никакая сила не воззовет их снова к жизни! Сие беспрестанно усиливающееся разочарование к поддельной классической односторонности возбудило другие покушения обновить искусство чрез возведение к ближайшим образцам, завещанным средними веками. Отсюда произошло новое, так называемое романтическое брожение, ознаменовавшее современные летописи изящных искусств многими примечательными явлениями. Брожение сие первоначально открылось в Англии, где воспоминание о Шекспире, последнем могучем представителе идеального гения средних веков, по своей близкой